

Вечера

ИСПОЛНИТЕЛЬ выходит на сцену, и в зале, как всегда в таких случаях, становится тихо. Тишина ожидания. На сцене артист Вячеслав Сомов из Театра Советской Армии. Но теперь он вышел к зрителям не как драматический актер, а как чтец, как мастер художественного слова.

Вячеслава

Что он сейчас будет читать? Есенина. Блока. Маяковского, маленькие трагедии, отрывки из «Тихого Дона», лирику Шпачева, поэму Твардовского?

— Современный бельгийский поэт Жан Дипрео. «Юная спичка».

Слушателям уже интересно. Много ли они знают о том, что пишут и как пишут бельгийские поэты и, в частности, Жан Дипрео. А ведь в программе вчераша значатся и интереснейший поэт современной Франции Жак Превьер, и Артур Рембо, и Луи Арагон, и Анри Даниель, и Гийеми, и Марсенак, и испанские поэты Федерико Гарсиа Лорка, и Антонио Мачадо, и кубинец Николас Гильеми, и Пабло Неруда, и Фрост из Соединенных Штатов Америки, и молодой соотечественник Фроста—Лоуренс Ферлингетти.

Оговорюсь с самого начала. Перечисляя ряд русских замечательных имен, а потом ряд имен поэтов Запада, я, разумеется, не хотел никакого сопоставления. Просто я решил подчеркнуть своеобразие программы и творческого лица артиста. Мало ли людей читают у нас со сцены и Есенина, и Блока, и Твардовского, и Симонова, но много ли читают Превьера и Лорку?

Итак, Жан Дипрео. «Юная спичка».

Она была маленькой спичкой, Юной и стройной спичкой
В красном платице скромном...

Непринужденно, как бы о чем-то несущественном, пустя-

ковым, начинала рассказывать чтец. Как же еще можно и рассказывать о спичке. Но что-то неуловимое, тонкое происходит с интонацией, вроде бы по-прежнему непринужденной и беззаботной, но теперь застававшийся истеронитесь всех людей, а из зала около тысячи.

Но одиозно она случайно
Задела шершавую стужу
И мигом вспыхнула ярко.
И первому встречному щедро

Она отдала свое пламя —
Юная, стройная спичка
В красном платице
скромном...

Почему насторожился зал? Неужели жалко спичку — одну из пятидесяти, асфальтовых в корбобе. Имя, может быть, из беззаботности интонации, легкой веселости смутно возник образ стрекочих-девочки, большеглазой, рыжеволосой, гибкой. Но ведь об этом выгиде не сказано, а сказано, что

Юная, стройная спичка
В красном платице
скромном
(Теперь оно стало черным)...

— произносит артист так, что весь зал вздрагивает. Нет, тут не до шуток, зачем вздрагивать, если речь идет о спичке.

Легит она в куче пепла
Среди обгоревших спичек,
Брошенных, жалких,
потухших.

Эти слова тяжелые. Произносится каждое слово, артист сокрушено кивает головой, и зал, как бы загипнотизированный, тоже кивает вслед за ним.

О, если бы принц заметил
Юную, стройную спичку!

Ну вот, опять принц, сказка. Легкая разрядка в зале. Но тут к слушателям летит последняя фраза:

Но у принца была
важнана...
Перевел М. ВАКСМАХЕР

Тысяча человек ахают в один голос, смеются, пораженные возмущением, блестящими поэти-

ческими кодом. Бездвушная? Безбавная миниатюра? Нет, главное социальное стихотворение.

А со сцены уж звучит Превьер. У человека, который не в три дня и три ночи и который стоит перед богатой французской, начинается голодный бред.

...сардин в банках,
крутые яйца,
кофе со сливками,
кофе с ромом,
кофе со сливками,
забытые сливки,
убитые сливки,
кофе с кровью...

Чтец и сам вздрогнул, как если бы шел, шел и вдруг ступил в лужу теплой крови. Но стихия продолжается.

Человек, почитаемый в своем квартале,

был среди бела дня зарезан;
убийца-бродяга украл у него два франка.
Что значит: кофе со сливками
(по счету семьдесят пять сантимов),

Сомова

два ломтика хлеба,
лжмазаных маслом,
и двадцать пять сантимов
на чай оффицианту.
Перевел М. КУДИНОВ

Специалисты пишут об исподательском таланте Вячеслава Сомова по-своему, как то: «...искусству Сомова свойственны многие очень ценные и разнообразные черты: великодушная пластика речи, простота, на снижающая, однако, стихотворную речь до прозы, а прозу — до речи разговорной... Сомов отлично владеет своим телом, своим сценическим свлаутом. И, наконец, он глубоко и повностоящему музыкален... Этот профессиональный разговор о Сомове очень нужен. Я не специалист, и, слушая Сомова много раз, я не расцеплял своего единого впечатления на сценический силуэт, музыкальность и тому подобное. Просто было интересно и волнующе. Я видел, что Сомов вполне оригинален как в выборе материала, так и в исполнении, что он без боязни читает Гильена, или Лорку, или того же Превьера но их родном языке, что еще более безбоязненно он вдруг читает Гильена в сопровождении гитары: ведь стихи этого кубинца полны народных мелодий и ритмов.

Слушая Вячеслава Сомова, я думал о том, какое большое дело он делает, знакомя советских людей с прогрессивными поэтами Запада, все еще мало нам известными. Думал о том, что его искусство помогает ослаблению культур, служит великому делу мира.

Слушая его, я в то же время приходил в недоумение: почему он читает в Литературном музее, в ЦДРИ, ЦДЛ, в Доме актера. Почему Ленинградская филармония предоставляет ему концертный зал капеллы, куда приходит слушать Сомова тысяча человек, а Московская филармония (Сомов—москвич) как бы не замечает чтеца?

Почему в эти дни, когда у советских людей по-особому вспыхнул интерес к Франции, не видно ни одной афиши с именем Вячеслава Сомова, который читает французских поэтов целых два отделения?

Неужели дело только в ведомственных переборках, в том, что он актер Театра Советской Армии, а не штатный чтец филармонии? Какое дело до этого Гильему, Превьеру, Арагону, Фросту, а также тысячам людей, желающих слушать их стихи?

Шинегарунас Vazanto
 2.IV.60.